КЛАССИКА НАУЧНОЙ МЫСЛИ

«Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» – главный труд Николая Яковлевича Данилевского (1822 – 1885) – русского социолога, историка, политического мыслителя и естествоиспытателя – посвящена выяснению «миродержавного промысла», по которому развивается человеческая история во всем ее многообразии.

Весьма позитивно и одобрительно об этом труде отзывались Н. Страхов, К. Бестужев-Рюмин, В. Розанов, Ф. Достоевский, а Александр III рекомендовал всем преподавателям истории в качестве настольного руководства.

Данилевский резко и аргументировано выступил против позитивистских схем изображения исторического процесса по временному принципу (степеням и фазам изменения культуры). Вместо традиционной, однолинейно-прогрессивистской схемы, лежащей в основе европоцентризма, он предлагает теорию культурно-исторических типов.

Человечество, по мнению Данилевского, только отвлеченное понятие, а реальными носителями исторической жизни выступают «естественные системы» – обособленные, различающиеся друг от друга культурно-исторические типы как высшее выражение социального единства. Выделяются десять основных культурно-исторических типов: египетский, китайский, ассиро-вавилоно-финикийский (он же халдейский) или древнесемитский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитский или аравийский, романо-германский или европейский.

Славянский тип, ядром которого является Россия, Данилевский рассматривает как молодой, только вступивший в полосу расцвета.

В книге «Россия и Европа» содержится немало мыслей, ценность и актуальность которых возросла в начале XXI столетия. Одна из них – предостережение автора об опасности денационализации культуры. Установление всемирного господства одного культурно-исторического типа, по мнению Данилевского, лишило бы человеческий род необходимого условия совершенствования – разнообразия. «Всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа – одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории», – писал Н.Я. Данилевский.

Ряд выдвинутых им созвучен глобальным проблемам выбора дальнейшего пути политического, экономического и духовного развития как современного мирового сообщества, так и отдельных стран и народов. Особенно актуальными, на наш взгляд, для нашего читателя являются рассуждения Данилевского об особенностях сложившихся исторически взаимоотношений России и Европы, экстраполированных на международную политику, проводимую современной Россией, в европейском регионе в частности.

Книга «Россия и Европа» стимулирует специалистов, политических деятелей современной России в поиске путей в направлении более глубокой и выгодной для нас интеграции с европейским сообществом. Поэтому мы сочли уместным и полезным поместить в рубрике «Классика научной мысли» некоторые фрагменты этого произведения.

«РОССИЯ И ЕВРОПА»
ГЛАВА III. Европа ли Россия?[1]

Стократе сем млувил, тедь уж кричим
К вам розкидани Словове,
Будьме целек, а не дробмове,
Будьме анеб вщецко, анеб ничим.

Коллар. Дочь Славы (Slavy Dcera)

Права или не права Европа в том, что считает нас чем-то для себя чуждым? Чтобы отвечать на этот вопрос, нужно дать себе ясный отчет в том, что такое Европа, дабы видеть, подходит ли под родовое понятие *Европа – Россия* как понятие видовое. Вопрос, по-видимому, странный. Кому же может быть неизвестен ответ? Европа есть одна из пяти частей света, скажет всякий ученик приходского училища. Что же такое часть света, спросим мы далее? На это мне как-то нигде не приходилось читать ответа, потому (вероятно), что понятие это считается столь простым, что давать ему определение может показаться пустым, излишним педантизмом. Так ли это или нет, нам, во всяком случае, надо доискаться этого определения, иначе не получим ответа на заданный себе вопрос. Части света составляют самое общее географическое деление всей суши на нашей планете и противополагаются делению жидкого элемента на океаны. Искусственно или естественно это деление?

<…>

[1] Печатается по: *Данилевский, Н.Я.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – С. 54–70, 540.

Но может ли быть признано за Европой значение части света – даже в смысле искусственного деления, основанного единственно на расчленении моря и суши, – на взаимно ограничивающих друг друга очертаниях жидкого и твердого? Америка есть остров; Австралия – остров; Африка – почти остров; Азия вместе с Европой также будет почти островом. С какой же стати это цельное тело, этот огромный кусок суши, как и все прочие куски, окруженный со всех или почти со всех сторон водой, разделять на две части на основании совершенно иного принципа? Положена ли тут природой какая-нибудь граница? Уральский хребет занимает около половины этой границы. Но какие же имеет он особые качества для того, чтобы изо всех хребтов земного шара одному ему присвоивать честь служить границею между двумя частями света, честь, которая во всех прочих случаях признается только за океанами и редко за морями? Хребет этот по вышине своей – один из ничтожнейших, по переходимости – один из удобнейших; в средней его части, около Екатеринбурга, переваливают через него, как через знаменитую Алаунскую плоскую возвышенность и Валдайские горы, спрашивая у ямщика: да где же, братец, горы? Если Урал отделяет две части света, то что же отделять после того Альпам, Кавказу или Гималаю? Ежели Урал обращает Европу в часть света, то почему же не считать за часть света Индию? Ведь и она с двух сторон окружена морем, а с третьей горами – не Уралу чета; да и всяких физических отличий (от сопредельной части Азии) в Индии гораздо больше, чем в Европе. Но хребет Уральский, по крайней мере,- нечто; далее же честь служить границей двух миров падает на реку Урал, которая уже совершенное ничто. Узенькая речка, при устье в четверть Невы шириной, с совершенно одинаковыми по ту и по другую сторону берегами. Особенно известно за ней только то, что она очень рыбна, но трудно понять, что общего в рыбности с честью разграничивать две части света. Где нет действительной границы, там можно выбирать их тысячу. Так и тут, обязанность служить границею Азии с Европой возлагалась, вместо Урала, то на Волгу, то на Волгу, Сарпу и Маныч, то на Волгу с Доном; почему же не Западную Двину и Днепр, как бы желали поляки, или на Вислу и Днестр, как поляки бы не желали? Можно ухитриться и на Обь перенести границу. На это можно сказать только то, что настоящей границы нет; а, впрочем, как кому угодно: ни в том, ни в другом, ни в третьем, ни в четвертом, ни в пятом – нет никакого основания, но также нет никому никакой обиды. Говорят, что природа Европы имеет свой отдельный, даже противоположный азиатскому, тип. Да как же части разнородного целого и не иметь своих особенностей? Разве у Индии и у Сибири одинаковый тип? Вот если б Азия имела общий однородный характер, а из всех ее многочисленных членов только одна Европа – другой, от него отличный, тогда бы другое дело; возражение имело бы смысл.

Дело в том, что, когда разделение Старого Света на три части входило в употребление, оно имело резкое и определенное значение в том именно

смысле больших, разделенных морями, материковых масс, которое составляет единственную характеристическую черту, определяющую понятие о части света. Что лежало к северу от известного древним моря [+1] – получило название Европы, что к югу – Африки, что к востоку – Азии. Само слово Азия первоначально относилось греками к их первобытной родине – к стране, лежащей у северной подошвы Кавказа, где, по преданиям, был прикован к скале мифический Прометей, мать или жена которого называлась Азия; отсюда это название перенеслось переселенцами на полуостров, известный под именем Малой Азии, а потом распространилось на целую часть света, лежащую к востоку от Средиземного моря [*1]. Когда очертания материков стали хорошо известны, отделение Африки от Европы и Азии действительно подтвердилось; разделение же Азии от Европы оказалось несостоятельным, но такова уже сила привычки, таково уважение к издавна утвердившимся понятиям, что, дабы не нарушить их, стали отыскивать разные граничные черты, вместо того чтоб отбросить оказавшееся несостоятельным деление.

Итак, принадлежит ли Россия к Европе? Я уже ответил на этот вопрос. Как угодно, пожалуй – принадлежит, пожалуй – не принадлежит, пожалуй – принадлежит отчасти и притом, насколько кому желательно. В сущности же, в рассматриваемом теперь смысле, и Европы вовсе никакой нет, а есть западный полуостров Азии, вначале менее резко от нее отличающийся, чем другие азиатские полуострова, а к оконечности постепенно все более и более дробящийся и расчленяющийся.

Неужели же, однако, громкое слово «Европа» – слово без определенного значения, пустой звук без определенного смысла? О, конечно, нет! Смысл его очень полновесен – только он не географический, а культурно-исторический, и в вопросе о принадлежности или непринадлежности к Европе география не имеет ни малейшего значения. Что же такое Европа в этом культурно-историческом смысле? Ответ на это – самый определенный и положительный. Европа есть поприще германо-романской цивилизации, ни более ни менее; или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация. Оба эти слова – синонимы. Но германо-романская ли только цивилизация совпадает с значением слова *Европа?* Не переводится ли оно точнее «общечеловеческой цивилизацией» или, по крайней мере, ее цветом?

Не на той же ли европейской почве возрастали цивилизации греческая и римская? Нет, поприще этих цивилизаций было иное. То был бассейн Средиземного моря, совершенно независимо от того, где лежали страны этой древней цивилизации – к северу ли, к югу или к востоку: на европейском, африканском или азиатском берегу этого моря. Гомер, в котором, как в зеркале, заключалась вся (имевшая впоследствии развиться) цивилизация Греции, родился, говорят, на малоазиатском берегу Эгейского моря.

Этот малоазиатский берег с прилежащими островами был долго главным поприщем эллинской цивилизации. Здесь зародилась не только эпическая поэзия греков, но и лирика, философия (Фалес), скульптура, история (Геродот), медицина (Гиппократ), и отсюда они перешли на противоположный берег моря. Главным центром этой цивилизации сделались, правда, потом Афины, но закончилась она и, так сказать, дала плод свой опять не в европейской стране, а в Александрии, в Египте. Значит, древнеэллинская культура, совершая свое развитие, обошла все три так называемые части света – Азию, Европу и Африку, а не составляла исключительной принадлежности Европы. Не в ней она началась, не в ней и закончилась.

Греки и римляне, противополагая свои образованные страны странам варварским, включали в первое понятие одинаково и европейские, азиатские и африканские прибрежья Средиземного моря, а ко второму причисляли весь остальной мир – точно так же, как германо-романы противополагают Европу, т. е. место своей деятельности, прочим странам. В культурно-историческом смысле то, что для германо-романской цивилизации - Европа, тем для цивилизации греческой и римской был весь бассейн Средиземного моря; и, хотя есть страны, которые общи им обеим, несправедливо было бы, однако же, думать, что Европа составляет поприще человеческой цивилизации вообще или, по крайней мере, всей лучшей части ее; она есть только поприще великой германо-романской цивилизации, ее синоним, и только со времени развития этой цивилизации слово «Европа» получило тот смысл и значение, в котором теперь употребляется.

Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью – нет, не принадлежит. Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа. Не составляла она части возобновленной Римской империи Карла Великого, которая составляет как бы общий ствол, через разделение которого образовалось все многоветвистое европейское дерево [+2], не входила в состав той теократической федерации, которая заменила Карлову монархию, не связывалась в одно общее тело феодально-аристократической сетью, которая (как во время Карла, так и во время своего рыцарского цвета) не имела в себе почти ничего национального, а представляла собой учреждение общеевропейское – в полном смысле этого слова. Затем, когда настал новый век и зачался новый порядок вещей, Россия также не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которое привело к обеспечениям той формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба; не боролась и с гнетом ложной формы христианства (продуктом лжи, гордости и невежества, величающим себя католичеством) и не имеет нужды в той форме религиоз-

ной свободы, которая называется протестантством. Не знала Россия и гнета, а также и воспитательного действия схоластики и не вырабатывала той свободы мысли, которая создала новую науку, не жила теми идеалами, которые воплотились в германо-романской форме искусства. Одним словом, она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу; как же может она принадлежать к Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой. Она не заслужила этой чести и, если хочет заслужить иную, не должна изъявлять претензии на ту, которая ей не принадлежит. Только выскочки, не знающие ни скромности, ни благородной гордости, втираются в круг, который считается ими за высший; понимающие же свое достоинство люди остаются в своем кругу, не считая его (ни в каком случае) для себя унизительным, а стараются его облагородить так, чтобы некому и нечему было завидовать.

Но если Россия, скажут нам, не принадлежит к Европе по праву рождения, она принадлежит к ней по праву усыновления; она усвоила себе (или должна стараться усвоить) то, что выработала Европа; она сделалась (или, по крайней мере, должна сделаться) участницей в ее трудах, в ее триумфах. Кто же ее усыновил? Мы что-то не видим родительских чувств Европы в ее отношениях к России; но дело не в этом, а в том – возможно ли вообще такое усыновление? Возможно ли, чтобы организм, столько времени питавшийся своими соками, вытягиваемыми своими корнями из своей почвы, присосался сосальцами к другому организму, дал высохнуть своим корням и из самостоятельного растения сделался чужеядным? Если почва тоща, то есть если недостает ей каких-либо необходимых для полного роста составных частей, ее надо удобрить, доставить эти недостающие части, разрыхлить глубокою пахотою те, которые уже в ней есть, чтобы они лучше и легче усвоялись, а не чужеядничать, оставляя высыхать свои корни. Но об этом после. Мы увидим, может быть, насколько и в какой форме возможно это усвоение чужого, а пока пусть будет так; если не по рождению, то по усыновлению Россия сделалась Европой; к дичку привит европейский черенок. Какую пользу приносит прививка, тоже увидим после, но на время признаем превращение. В таком случае, конечно, девизом нашим должно быть: Europaeus sum et nihil, europaei a me alienum esse puto [*2]. Все европейские интересы должны сделаться и русскими. Надо быть последовательным, надо признать европейские желания, европейские стремления – своими желаниями и стремлениями; надо жениться на них, il faut les epouser, как весьма выразительно говорят французы. Будучи Европой, можно, конечно, в том или другом быть не согласну в отдельности с Германией, Францией, Англией, Италией; но с Европой, то есть с самим собой, надо непременно быть согласным, надо отказаться от всего, что Европа – вся Европа – единодушно считает несогласным со своими видами и интересами, надо быть добросовестным, последовательным принятому на себя званию.

Какую же роль предоставляет нам Европа на всемирно-историческом театре? Быть носителем и распространителем европейской цивилизации на Востоке, – вот она та возвышенная роль, которая досталась нам в удел, роль, в которой родная Европа будет нам сочувствовать, содействовать своими благословениями, всеми пожеланиями души своей, будет рукоплескать нашим цивилизаторским деяниям, к великому услаждению и умилению наших гуманитарных прогрессистов. С Богом – отправляйтесь на Восток! Но, позвольте, на какой же это Восток? Мы было и думали начать с Турции. Чего же лучше? Там живут наши братья по плоти и по духу, живут в муках и страданиях и ждут избавления; мы подадим им руку помощи, как нам священный долг повелевает. Куда? не в свое дело не соваться! – кричит Европа. Это не ваш Восток, и так уже много развелось всякой славянщины, которая мне не по нутру. Сюда направляется благородный немецкий Drang nach dem Osten [*3], по немецкой реке Дунаю. Немцы кое-где умели справиться со славянами, они и здесь получше вашего их объевропеизируют. К тому же Европа, которой так дорог священный принцип национальностей, почла за благо отнять у немцев Италию, бывшую и без них вполне Европой, настоящей, природной, а не усыновленной или привитой какой-нибудь, – почла за нужное дозволить вытеснить Австрию из Германии; надо же чем-нибудь и бедных австрийских немцев, вкупе с мадьярами, потешить: пусть себе европеизируют этот Восток, а вы отправляйтесь дальше. Принялись мы также за Кавказ – тоже ведь Восток. Очень маменька гневаться изволили: не трогайте, кричала, рыцарей, паладинов свободы; вам ли браться за такое благородное племя; ну да на этот раз, слава Богу, не послушали, забыли свое европейское призвание. Ну так в Персии нельзя ли позаняться разбрасыванием семян цивилизации и европеизма? Немцы, пожалуй, и позволили бы: они так далеко своего «дранга» не думают, кажется, простирать; но ведь дело известное, – рука руку моет, – из уважения к англичанам нельзя. Индию они уже на себя взяли; что и говорить, отлично дело сделают, первого сорта цивилизаторы, на том уже стоят. Нечего их тут по соседству тревожить, отправляйтесь дальше. В Китай, что ли, прикажете? Ни-ни, вовсе незачем туда забираться; чаю надо? – кантонского сколько хотите привезем. Цивилизация, европеизация, как и всякое учительство, недаром ведь делается; и гонорарии кое-какие получаются. Китай – страна богатая, есть, чем заплатить, – сами поучим. И успехи, благодаря Бога, старинушка хорошие оказывает – индийский опиум на славу покуривает [+3]; не надо вас здесь. Да где же. Господи, наш-то Восток, который нам на роду написано цивилизировать? Средняя Азия – вот ваше место; всяк сверчок знай свой шесток. Нам ни с какого боку туда не пробраться, да и пожива плохая. Ну так там и есть ваша священная историческая миссия, – вот что говорит Европа, а за нею и наши европейцы. Вот та великая роль, которую, сообразно с интересами Европы, нам предоставит; и – никакой больше: все осталь-

ное разобрано теми, которые почище, как приказывает сказать Хлестакову повар в «Ревизоре».

Тысячу лет строиться, обливаясь потом и кровью, и составить государство в восемьдесят миллионов (из коих шестьдесят – одного роду и племени, чему, кроме Китая, мир не представлял и не представляет другого примера) дли того, чтобы потчевать европейской цивилизацией пять или шесть миллионов кокандских, бухарских и хивинских оборванцев, да, пожалуй, еще два-три миллиона монгольских кочевников, – ибо таков настоящий смысл громкой фразы о распространении цивилизации в глубь Азиатского материка. Вот то великое назначение, та всемирно-историческая роль, которая предстоит России как носительнице европейского просвещения. Нечего сказать: завидная роль, – стоило из-за этого жить, царство строить, государственную тяготу нести, выносить крепостную долю, Петровскую реформу, бироновщину и прочие эксперименты. Уж лучше было бы в виде древлян и полян, вятичей и радимичей, по степям и лесам скитаться, пользуясь племенною волею, пока милостью Божьей ноги носят. «Parturiunt montes, nascitur ridikulus mus» [*4]. Поистине, горою, рождающей мышь, – каким-то громадным историческим плеоназмом [*5], чем-то гигантски лишним является наша Россия в качестве носительницы европейской цивилизации.

Зачем с такой узкой точки зрения смотреть на предмет, скажут мне? Под распространением цивилизации и европеизма на Востоке надобно разуметь не только внесение этих благ в среднеазиатские степи, но и усвоение их себе, разлитие их по лицу всей обширной русской земли. Пусть же так думающие понапрягут несколько свою фантазию и представят себе, что на всем этом обширном пространстве нет могучего русского народа и созданного им царства, а раздолье лесов, вод и степей, по которым бродят только финские звероловы: зыряне, вогуличи, черемисы, мордва, весь, меря да татарские кочевники, и пусть в таком виде открывают эту страну настоящие европейские цивилизаторы (ну, хоть Ченслер и Вилоуби, например). Сердце должно забиться восторгом от такой картины у настоящего европейца. Вместо сынов противления, которым обухом приходилось прививать европеизм (и все еще дело плохо на лад идет), сюда нахлынули бы поселенцы чисто германской крови, без сомнения, под водительством благороднейшей из самих германских – англосаксонской расы. Ведь тут бы на просторе завелись восточноевропейские, или западноазиатские, – называйте как хотите, – соединенные штаты. Цивилизация полилась бы волною, и к нашему времени все обстояло бы давным-давно благополучно. Каналов было бы невесть сколько накопано, железных дорог – десятки тысяч верст настроено, о телеграфах и говорить нечего; на Волге, что на Миссисипи, не сотни, а тысячи бы пароходов плавало; да на одной ли только Волге! – и Дон был бы сделан как надо судоходным, и Днепровские по-

роги - взорваны, что ли, или прорыты; и какой бы славный jar East [*6] открывался в дальней перспективе. А спичей-то, спичей лилось бы, я думаю, в самом маленьком штате (в каком-нибудь на Неве или даже на Москве лежащем Мери или Бетсилэнде) более, чем на всех теперешних земских и дворянских собраниях, вместе взятых. Общины, ненавистной высокопросвещенному уму, и в помине не было бы и пр. и пр. Несомненно, что общечеловеческая цивилизация, если только европейская есть действительно единственно возможная цивилизация для всего человечества, неизмеримо бы выиграла, если бы, – вместо славянского царства и славянского народа, занимающего теперь Россию, – было тут (четыре или три века тому назад) пустопорожнее пространство, по которому изредка бы бродили кое-какие дикари, как в Соединенных Штатах или в Канаде при открытии их европейцами.

Итак, при нашей уступке, что Россия если не прирожденная, то усыновленная Европа, мы приходим к тому заключению, что она – не только гигантски лишний, громадный исторический плеоназм, но даже положительное, весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению настоящей общечеловеческой, т. е. европейской, или германо-романской, цивилизации. Этого взгляда, собственно, и держится Европа относительно России. Этот взгляд, выраженный здесь только в несколько резкой форме, в сущности, очень распространен и между корифеями нашего общественного мнения и их просвещенными последователями. С такой точки зрения становится понятным (и не только понятным, а в некотором смысле законным и, пожалуй, благородным) сочувствие и стремление ко всему, что клонится к ослаблению русского начала по окраинам России, – к обособлению (даже насильственному) разных краев, в которых, кроме русского, существуют какие бы то ни было инородческие элементы, к покровительству, к усилению (даже искусственному) этих элементов и к доставлению им привилегированного положения в ущерб русскому. Если Русь, в смысле самобытного славянского государства, есть препятствие делу европеизма и гуманитарности и если нельзя притом, к сожалению, обратить ее в tabula rasa [*7] для скорейшего развития на ее месте истинной европейской культуры, pur sang [*8], то что же остается делать, как не ослаблять то народное начало, которое дает силу и крепость этому общественному и политическому организму? Это жертва на священный алтарь Европы и человечества. Не эта ли возвышенная и благородная любовь к человечеству, чуждая всякого народного эгоизма и национальной узкости взгляда, возведена в идеал в маркизе Поза, этом идеальном создании Шиллера [+4], перед которым мы с детства привыкли благоговеть? Будучи природным испанцем, ведь странствовал же благородный маркиз по Европе, отыскивая врагов своему отечеству, которое считал препятствием для свободы и благоденствия человечества, и даже Солимана уговаривал выслать турецкий флот против Испании. Такая аберрация, такое искажение

естественного человеческого чувства на основании логического вывода, конечно, более извинительно в немецком поэте конца прошедшего столетия, чем в ком-нибудь другом. Ведь он, родившись в каком-нибудь Вюртемберге, собственно говоря, не имел отечества и не приобрел его до тех пор, пока в лице Валленштейна [+5] не сознал, что это отечество – целая Германия. Но и такое отечество только постигалось мыслью, а не непосредственным чувством. Русскому такое состояние духа должно бы быть менее возможно, но и оно объясняется тем же, не находящим себе примирения, противоречием между *народным чувством и идеей о возвышенности пожертвования низшим для высшего* и, хотя в искаженном виде, выказывает черту чисто славянского бескорыстия, так сказать, порок славянской добродетели. Этим объясняется и то, что русский патриотизм проявляется только в критические минуты. Победа односторонней идеи над чувством бывает возможна только при спокойном состоянии духа, но, коль скоро что-либо приводит народное чувство в возбужденное состояние, логический вывод теряет перед ним всякую силу и бывший гуманитарный прогрессист, поклонник Поза, становится на время настоящим патриотом. Такие вспышки патриотизма не могут, конечно, заменить сознательного, находящегося в мире с самим собою чувства народности, и понятным становится, что страны, присоединенные к России после Петра, не русеют, несмотря ни на желания правительства достигнуть этого, ни на бесконечно усилившиеся средства его действовать на народ, между тем как в старину все приобретения, без всякого насилия, которое не было ни в духе правительства, ни вообще в духе русского народа, быстро обращались в чисто русские области.

Столь же непримиримым с самим собою (более сочувственным, но зато гораздо менее логическим) представляется другой взгляд, получивший такое распространение в последнее время. Он признает бесконечное во всем превосходство европейского перед русским и непоколебимо верует в единую спасительную европейскую цивилизацию; всякую мысль о возможности иной цивилизации считает даже нелепым мечтанием, а между тем, однако, отрекается от всех логических последствий такого взгляда; желает внешней силы и крепости без внутреннего содержания, которое ее оправдывало бы, – желает свища с крепкою скорлупою. Здесь, очевидно, народное чувство пересилило логический вывод, и потому-то этот взгляд более сочувствен. Народное чувство, конечно, не имеет нужды ни в каком логическом оправдании; оно, как всякое естественное человеческое чувство, само себя оправдывает и потому всегда сочувственно; но тем не менее жалка доля того народа, который принужден только им довольствоваться, который как бы принужден, если не говорить, так думать: я люблю свое отечество, но должен сознаться, что проку в нем никакого нет. Под таким внешним политическим патриотизмом кроется горькое сомнение в самом себе, кроется сознание жалкого банкрутства. Он как бы говорит себе: я ничего не стою; в меня надобно вложить силу и вдунуть дух извне,

с Запада; меня надобно притянуть к нему, насильно в него втиснуть – авось выйдет что-нибудь вылепленное по той форме, которая одна достойна человечества, которая исчерпывает все его содержание. В нашей литературе с лишком тридцать лет тому назад появилась журнальная статья покойного Чаадаева, которая в свое время наделала много шума [+6]. В ней выражалось горькое сожаление о том, что Россия, вследствие особенностей своей истории, была лишена тех начал (как, например, католицизма), из развития которых Европа сделалась тем, что она есть. Соболезнуя об этом, автор отчаивается в будущности своего отечества, не видя и не понимая ничего вне европеизма. Статья эта имела на своей стороне огромное преимущество внутренней искренности. В сущности, то же горькое сознание лежит и в основе нашего новейшего, чисто внешнего политического патриотизма; он только менее искренен сам с собой, менее последователен, надеется собирать там, где не сеял. Если в самом деле европеизм заключает в себе все живое, что только есть в человечестве, столь же всесторонен, как и оно, в сущности, тожествен с ним; если все, что не подходит под его формулу,- ложь и гниль, предназначенные на ничтожество и погибель, как все неразумное, то не надобно ли скорей покончить со всем, что держится на иной почве своими корнями? К чему заботиться о скорлупе, не заключающей в себе здорового ядра, – особенно ж к чему стараться о придании большей и большей твердости этой скорлупе? Крепкая внешность сохраняет внутреннее содержание; всякая твердая, плотная, компактная масса труднее подвергается внешнему влиянию, не пропускает животворных лучей света, теплоты и оплодотворяющей влажности. Если внешнее влияние благотворно, то не лучше ли, не сообразнее ли с целью широко открыть ему пути, – расшатать связь, сплачивающую массу, дать простор действовать чуждым, посторонним элементам высшего порядка, вошедшим, по счастью, кое-где в состав этой массы? Не скорее ли проникнется через это и вся масса влиянием этих благодетельных элементов? Не скорее ли, в самом деле, проникнется европеизмом, очеловечится вся Русь, когда ее окраины примут европейский склад, благо в них есть уже европейские дрожжи, которые – только не мешайте им – скоро приведут эти окраины в благодетельное брожение. Это брожение не преминет передаться остальной массе и разложить все, что в ней есть варварского, азиатского, восточного; одно чисто западное останется. Конечно, все это произойдет в том только случае, когда в народных организмах возможны такие химические замещения, но в такой возможности ведь не сомневается просвещенный политический патриотизм. Зачем же мешать благодетельному химическому процессу? Corpora поп agunt nisi fluida [*9].

Если бы, например, политический организм Римской империи сохранил свою крепость, то разве могли бы вошедшие в состав его народы подвергнуться благодетельному влиянию германизма? Нет, как хотите: г. Шедо-Ферроти прав [+7]. Справедливо также и название ультрарусской

партии, придаваемое такому чисто внешнему политическому патриотизму. Если Русь есть Русь, то, конечно, смешно говорить о русской партии в этой Руси. Но если Русь есть вместе с тем и Европа, то почему же не быть в ней русской, и европейской, и ультрарусской, и ультраевропейской партии? Отчего же, однако, нет чего-либо подобного в других государствах, – отчего не может быть, например, ультрафранцузской партии во Франции? Оттого, что Франция есть вместе с тем и настоящая Европа, что существенного противоречия между интересами Франции и интересами Европы быть не может, как и не может его быть (в нормальном положении вещей, по крайней мере) между Целым и его частью. Но в некоторых исключительных обстоятельствах и это, однако же, может случиться. Так, при Наполеоне I была партия, обнимавшая собою почти всех французов, которая желала поработить Европу так и теперь есть партия, которая желает присоединить Бельгию и вообще левый берег Рейна. Такая партия может быть названа ультрафранцузскою, в противоположность партии европейской, не желающей этих захватов. Но Россия, по мнению Европы, не составляет плоти от плоти ее и кости от костей ее. По мнению самих русских европейцев, Россия только еще стремится сделаться Европой, заслужить ее усыновление. Не вправе ли Европа сказать им: «Если вы истинно хотите быть Европой, зачем же вам противодействовать германизации Балтийского края, – вы еще только хотите сделаться европейцами (и я не знаю, как это вам удастся), а вот тут уже есть настоящие природные европейские деятели, зачем же вы хотите остановить их действия во благо Европы, а следовательно, – и человечества? Значит, слова ваши неискренни; вы свои частные русские интересы ставите выше европейских, – вы, значит ультрарусская партия». То же самое могут сказать и по отношению к западным губерниям, и по многим другим вопросам Противоположность интересов, которая временно возникает между Европой и Францией, – между Россией и Европой постоянна, по крайней мере, во мнении самой Европы. Не вправе ли после этого Европа в стране, имеющей претензию на принадлежность к Европе, называть ультрарусской ту партию, которая, разделяя эту претензию, не хочет вместе с тем подчинять частных русских интересов интересам общеевропейским? Как примирить со всем этим естественное и святое чувство народности – не знаю; думаю, что на почве чисто политического патриотизма примирение это вовсе и немыслимо.

Чисто политический патриотизм возможен для Франции, Англии, Италии, но невозможен для России, потому что Россия и эти страны – единицы неодинакового порядка. Они суть только политические единицы, составляющие части другой высшей культурно-исторической единицы – Европы, к которой Россия не принадлежит по многим и многим причинам, как постараюсь показать дальше. Если же – наперекор истории, наперекор мнению и желанию самой Европы, наперекор внутреннему сознанию и стремлениям своего народа – Россия все-таки захочет причислиться к Европе,

то ей, чтобы быть логической и последовательной, ничего другого не остается, как отказаться от самого политического патриотизма, от мысли о крепости, цельности и единстве своего государственного организма, от обрусения своих окраин, ибо эта твердость наружной скорлупы составляет только препятствие к европеизации России. Европа, не признающая (как и естественно) другого культурного начала, кроме германо-романской цивилизации, так и смотрит на это дело. Наши шедо-ферротисты и вообще гуманитарные прогрессисты, великодушничая a la Поза, разделяют этот же взгляд, хотя (к извинению их, должно полагать) и не совсем сознательно; только наши политические патриоты, желая результатов, отвергают (к чести их народного чувства, но не их логики) пути, ведущие к ним самым скорым, легким и верным образом.

Где же искать примирения между русским народным чувством и признаваемыми разумом требованиями человеческого преуспеяния или прогресса? Неужели в славянофильской мечте, в так называемом учении об особой русской, или всеславянской, цивилизации, над которым все так долго глумились, над которым продолжают глумиться и теперь, хотя уже и не все? Разве Европой не выработано окончательной формы человеческой культуры, которую остается только распространять по лицу земли, чтоб осчастливить все племена и народы? Разве не пройдены все переходные фазисы развития общечеловеческой жизни и поток всемирно-исторического прогресса, столько раз скрывавшийся в подземные пропасти и низвергавшийся водопадами, не вступил, наконец, в правильное русло, которым остается ему течь до скончания веков, напояя все народы и поколения, увлажняя и оплодотворяя все страны земли? Несмотря на всю странность такого взгляда, который в подтверждение свое не может найти решительно ничего аналогического в природе (где все имеющее начало имеет и конец, все исчерпывает, наконец, свое содержание), таков, однако же, исторический догмат, в который верует огромное большинство современного образованного человечества. Что в него верует Европа, – в этом нет ничего удивительного, – это совершенно сообразно с законами человеческого духа. Только та деятельность плодотворна, то чувство искренне и сильно, которые не сомневаются в самих себе – и считают себя окончательными и вечными. Не считает ли всякий истинный художник создаваемые им формы последним словом искусства, далее которого уже не пойдут; не считает ли ученый, выработывающий какую-нибудь теорию, что он сказывает последнее слово науки, объясняет всю истину, – что после него, конечно, будут пополняться частности, но данное им направление останется навсегда неизменным? Не считает ли государственный муж, что принятая им система должна навеки облагодетельствовать его страну? Не считает ли, наконец, влюбленный, несмотря на знаменитый стих «а вечно любить невозможно» и на опыт огромного большинства людей, что его чувство составляет исключение и продлится в одинаковой силе столько же, сколько сама жизнь? Без этой иллюзии ни истинно великая деятель-

ность, ни искреннее чувство невозможны. Рим считался вечным, несмотря на то, что Мемфис, Вавилон, Тир, Карфаген, Афины уже пали, и потому только казался он римлянам стоющим тех жертв, которые для него приносились. Но и те, которые, собственно, не могут претендовать на честь принадлежать к Европе, так ослеплены блеском ее, что не понимают возможности прогресса вне проложенного ею пути, хотя при сколько-нибудь пристальном взгляде нельзя не видеть, что европейская цивилизация так же односторонняя, как и все на свете. Теперь поняли, что политические формы, выработанные одним народом, собственно только для одного этого народа и годятся, но не соглашаются распространить эту мысль и на прочие отправления общественного организма.

Кроме только что упомянутого мной личного чувства, требующего нескончаемости, есть еще причины, по которым мысль о возможности возникновения иной цивилизации, кроме европейской, или германо-романской, кажется более чем странной огромному большинству образованных людей не только в самой Европе, но и между славянами. Причины эти заключаются, по моему мнению, главнейше в неверном понимании самых общих начал хода исторического процесса, – в неясном, так сказать, туманном представлении исторического явления, известного под именем прогресса, в неправильном понятии, которое обыкновенно составляют себе об отношении национального к общечеловеческому, и еще в одном предрассудочном понятии о характере того, что называется Западом и Востоком, – понятии, принимаемом за аксиому и потому не подвергаемом критике. Обращаюсь прежде к этому предрассудку, хотя он далеко не имеет того значения, которое я приписываю первым причинам. Это поможет нам несколько расчистить почву под ногами, ибо весьма часто мы не принимаем какой-либо истины не потому, чтобы вывод ее казался сам по себе сомнительным, а потому, что он противоречит другим нашим убеждениям, этому выводу, собственно, посторонним.

Примечания

[+1] Речь идет о Средиземном море.

[+2] Римская империя Карла Великого – созданное франкскими королями из рода Каролингов государство в границах прежней Западной Римской империи. Достигло своего наивысшего могущества при Карле Великом (768–814), объявившем себя в 800 г. императором. После его смерти империя Каролингов распалась на три части (в будущем – Франция, Германия и Италия).

[+3] Намек на «цивилизаторские» действия британской Ост-Индской компании, наживавшейся на контрабандной торговле опиумом, который она ввозила в Китай из Индии. Попытки китайцев пресечь торговлю наркотиком послужили предлогом для первой (1840–1842) и второй (1856–1860) опиумных войн Англии против Китая.

[+4] «Гражданин вселенной» маркиз Поза – персонаж трагедии Ф. Шиллера «Дон Карлос».

[+5] Валленштейн – герой одноименной трагедии Ф. Шиллера, написанной им в конце 90-х гг. XVIII в., когда немецкий поэт и драматург отходит от литературного течения «Бури и натиска», обращаясь в своем творчестве от темы бунтарства к проблеме нравственного долга.

[+6] Имеется в виду первое из 8-ми «Философических писем» П.Я. Чаадаева, публикация которого в 1836 г. повлекла за собой закрытие журнала «Телескоп».

[+7] Шедо-Ферроти – псевдоним публициста, уроженца России барона Ф.И. Фиркса. В конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. опубликовал в Берлине на французском языке ряд «Этюдов о будущности России», в которых уделял значительное внимание крестьянскому вопросу (в частности, предлагал постепенное, рассчитанное на 20 лет, личное освобождение крестьян без земли).

Во время польского восстания 1863 г. высказывался в поддержку поляков, клеймя «ультрарусские идеи московской прессы».

Комментарии

[*1] Вот что говорит об этом предмете знаменитый путешественник Дюбуа де Монпере: «Все это доказывает, что была прикавказская страна, носившая название Азии. В самом деле, откуда это древнее и странное разграничение Европы от Азии, отделяемой Танаисом (странное, конечно, но все-таки менее странное, чем разграничение Уралом), если бы не было к северу от Кавказа страны, называемой Азией». «Доказано также, что Страбон разумел под Азией особую страну около Синдики (части Таманского полуострова) – Азию в собственном смысле этого слова и что всегда в этом именно смысле принимает он это название, описывая берега Меотийского моря».

(...) – *Примеч. авт.*

[*2] Я европеец, и ничто европейское мне не чуждо *(лат.).*

[*3] Натиск на Восток *(нем.).*

[*4] Рожают горы, а родится смешная мышь *(лат.).*

[*5] Излишеством (от греч. pleonasmus – переизбыток).

[*6] Вид *(англ.).*

[*7] Чистую доску *(лат.).*

[*8] Чистокровной *(фр.).*

[*9] Живут только мягкие тела *(лат.).*

© Жовтун Д.Т., составитель, 2009